

УДК 811. 161. 1`38+821. 161. 1
DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-79-84

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРТЕКСТОВ ЧИТАТЕЛЯМИ В СТИХАХ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

П. А. Становкин

Лебяжинская основная общеобразовательная школа, п. Лебяжий, Кемеровская область

Проблема регулирования познавательной деятельности читателя средствами текста является ключевой для теории регулятивности и теории интертекстуальности. Экспериментальная методика позволила выявить факторы, влияющие на регулятивную силу моделей интертекстуального типа в лирике О. Э. Мандельштама. Было установлено, что на регулятивную силу данных структур влияют: вид интертекстов – респондентами отмечается ключевая роль претекстовой информации, прецедентных имен; расположение интертекстов в сильных позициях; насыщенность интертекстуальными элементами стихотворений – чем более насыщены интертекстуальными элементами тексты, тем выше их регулятивная сила. В рамках целого текста наибольшей регулятивной силой обладают модели, обладающие минимальным количеством претекстовой информации либо ее отсутствием, если непосредственно в самих текстах коэффициент насыщенности интертекстами высок.

Ключевые слова: *регулятивность, интертекстуальность, интертекст, регулятивные модели интертекстуального типа.*

Проблема понимания поэтического текста была, есть и остается ключевой для его создателя и читателя/слушателя. Каждый автор хочет быть услышанным и правильно понятым, а в действительности заинтересованный читатель/слушатель стремится постичь авторскую интенцию, продемонстрировав свой интеллект, умение понимать прекрасное, что в целом подразумевает ответную реакцию, а значит – диалог.

Актуальной эта проблема является и для высокохудожественной, сложной в философском и лингвистическом аспектах поэзии Серебряного века и творчества О. Э. Мандельштама как его яркого представителя.

Проблемы организации диалога, регулирования познавательной деятельности читателя средствами текста являются ключевыми для теории регулятивности, разработанной в Томском государственном педагогическом университете [1–6], и теории интертекстуальности (см. работы Н. А. Фатеевой [7], Н. А. Кузьминой [8], Н. В. Петровой [9] и др.), а также статьи, выполненные на материале творчества О. Э. Мандельштама [10–12]). В рамках указанных научных направлений проведено данное исследование.

Понятийно-терминологический аппарат исследования включает термины «регулятивность», «интертекстуальность», «интертекст», «регулятивные модели интертекстуального типа». Под регулятивностью понимается системное качество художественного текста, выражающееся в его способности, «воздействуя на читателя, направлять его интерпретационную деятельность» [1, с. 6]. В аспекте регулятивности интертекстуальность определяется как системно проявляющийся при восприятии текста на основе ассоциирования механизм актуализации интертекстов, которые исполь-

зуются автором в соответствии с его творческим замыслом и стратегией смыслового развертывания речевого произведения. Интертексты, являющиеся проявлением интертекстуальности, – это заимствованные автором из других текстов структуры разного типа, служащие материалом для создания нового художественного текста, в разной степени обладающие коммуникативным эффектом.

Под «регулятивной моделью (макроструктурой) интертекстуального типа понимается комплекс единиц (заглавия-интертексты, эпиграфы, аллюзии, цитаты, реминисценции) интертекстуального и иного характера, объединенные общей целевой программой, способной управлять познавательной деятельностью читателя в разной степени, в зависимости от индивидуальной манеры автора и коммуникативной компетенции читателя» [11, с. 260].

Творчество О. Э. Мандельштама в высшей степени интертекстуализовано: из 649 стихотворений О. Э. Мандельштама 131 поэтический текст содержит регулятивные модели интертекстуального типа, что составляет 20 % всех стихотворений автора.

В зависимости от наличия и характера группировки регулятивных средств (интертекстов) на уровне целого текста в творчестве поэта ранее были выявлены пять видов лексических регулятивных моделей интертекстуального типа (см. подробнее [11, с. 260–262]). В связи с тем что стихи, включающие данные модели, составляют значительную часть лирики О. Э. Мандельштама, был проведен эксперимент, целью которого стало выявление их регулятивной силы.

В задачи эксперимента входило установить, есть ли зависимость силы регулятивности лексических регулятивных моделей интертекстуального типа от ряда факторов: 1) вида интертекстов, составляющих регулятивные модели; 2) места распо-

ложения интертекстов в произведении; 3) насыщенности текста интертекстами; 4) группировки регулятивных средств (интертекстов) на уровне целого текста.

Для эксперимента было выбрано пять стихотворений О. Э. Мандельштама, содержащих разные типы регулятивных моделей интертекстуального типа: 1) «Здесь я стою – я не могу иначе» (1913) – в произведении представлена лексическая регулятивная модель, состоящая из эпиграфа и интертекстов разного вида; 2) стихотворение «Из Фр. Петрарки» «Речка, распухшая от слез соленых» (1933) – в состав модели входят: заглавие-интертекст, эпиграф, первая поэтическая строка (цитата), текстовые ассоциаты, интертексты разного типа; 3) поэтический текст «К немецкой речи» (1932), который построен на сочетании заглавия-интертекста, эпиграфа, посвящения, текстовых ассоциатов и интертекстов разного вида; 4) стихотворение «Silentium» (1910), которое содержит модель: заглавие-интертекст, авторские ассоциаты и интертексты разного типа; 5) произведение «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915), в котором имеется регулятивная модель, сформированная без опоры на элементы претекста, состоящая из первой поэтической строки, текстовых ассоциаций и интертекстов разных типов.

В эксперименте в составе фокус-группы приняло участие пятнадцать информантов в возрасте от 23 до 65 лет, имеющих высшее филологическое образование, из них трое мужчин, двенадцать женщин. По роду занятий это преподаватели, административные работники и работники управления образования.

Для решения поставленных задач в ходе организационной беседы информантам были определены понятия: интертекстуальность, интертекст, виды интертекстов. Информация о регулятивных моделях интертекстуального типа не давалась. После вводной беседы информантам был представлен раздаточный материал, содержащий пять текстов О. Э. Мандельштама и следующие задания:

1. Подчеркните в раздаточном материале словные и сверхсловные элементы претекста (заглавия, эпиграфы, посвящения) и элементы текста (слова, словосочетания), которые, с Вашей точки зрения, обеспечивают наилучшее понимание произведения.

2. Письменно поясните, почему Вы так считаете.

3. Оцените по пятибалльной шкале, какой из текстов более понятен и производит на Вас больший эффект.

В ходе выполнения первого задания подчеркнуть словные и сверхсловные элементы претекста (заглавия, эпиграфы, посвящения) и элементы текста (слова, словосочетания), которые обеспечива-

ют наилучшее понимание произведения, выявлено, что более половины (53,3 %) респондентов выделяют структуры регулятивных моделей интертекстуального типа в стихах О. Э. Мандельштама практически полностью. Представители данной подгруппы, обосновывая свою точку зрения на содержание текстов и их структуру, указывают на ключевую роль заглавий-интертекстов, первой поэтической строфы, прецедентных имен, топонимов.

Наиболее частыми по смыслу комментариями среди данной подгруппы информантов являются следующие. Например, при анализе стихотворения «Здесь я стою – я не могу иначе» (1913) один из информантов пишет: «Я считаю, что в первой поэтической строфе отображена основная мысль произведения, которая заключается в выборе Лютером своего пути и несгибаемости этого курса». При анализе текста «К немецкой речи» тот же информант предоставил такие комментарии: «Я считаю, что тема дружбы является основной, она отражена в первом предложении эпиграфа и посвящении». Далее по тексту автор развивает эту мысль и говорит: «Есть между нами дружба...». Желает себе «судьбу Пилада». Тема жизни и ее скоротечности заложена в эпиграфе, но в тексте отражена незначительно».

Как правило, представители данной подгруппы учитывают диалогическую функцию интертекстов. Например, при кратком анализе стихотворения «Silentium» (1910) в одном из ответов отмечается: «Любовь, красота, музыка, слово и их взаимопроникновение или взаимодействие делают поэзию искусством. Это „всего живого связь“. Поэзия – „первооснова жизни“. Задача поэта донести до читателя свои мысли, попытаться выразить „невыразимое“, отсюда и диалог О. Э. Мандельштама с поэтами-предшественниками и поэтами-современниками. Задача любителя и ценителя поэзии слиться с этим искусством. Подчеркнутые слова и словосочетания помогают понять замысел автора».

Наряду с регулятивными средствами и структурами интертекстуального типа информантами выделяются и иные регулятивы. Например, при анализе стихотворения «Из Фр. Петрарки» «Речка, распухшая от слез соленых» (1933) респонденты указывают на существенную роль эмоционально окрашенного тематического ряда: «речка», «лесные птицы», «дикие звери», «немые рыбы», «дол», «трещины земли», «затверженные глыбы», который усиливает скорбь лирического героя по потерянной возлюбленной.

Вторая подгруппа информантов составляет 46,6 % от общего количества информантов, принявших участие в эксперименте. При работе с раз-

даточным материалом эти респонденты в основном указали элементы, входящие в состав регулятивных моделей интертекстуального типа. Для данной подгруппы участников эксперимента характерны более краткие комментарии.

Объединяет всех информантов мысль о ключевой роли в смысловом развертывании текстов элементов претекстовой информации, первых поэтических строк стихотворений, прецедентных имен. Так, относительно стихотворения «Здесь я стою – я не могу иначе» (1913) информанты пишут: «Эпиграф дает полное понимание произведения»; «В первой строке стихотворения и эпиграфе заложена основная мысль произведения – непримиримость позиции М. Лютера по отношению к католической церкви».

Результаты эксперимента относительно оценки ясности и понятности текстов по пятибалльной шкале отражены в табл. 1.

Рассмотрим полученные результаты. На первом месте по коэффициенту регулятивности оказались поэтические тексты «Silentium» (1910) (он построен по модели: заглавие-интертекст, авторские ассоциаты и интертексты разного типа); «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915) – в данном случае в тексте представлена регулятивная модель, сформированная без опоры на элементы претекста, состоящая из первой поэтической строки, текстовых ассоциаций и интертекстов разных типов). Соответственно у обозначенных текстов самый высокий средний балл – 4,3.

Второе место по коэффициенту регулятивности занимает стихотворение «Здесь я стою – я не могу иначе» (1913), где представлена лексическая регулятивная модель, состоящая из эпиграфа и интертекстов разного вида, средний балл регулятивности произведения 4,2. На третьей позиции стихотворение «Из Фр. Петрарки» «Речка, распухшая от слез соленых» (1933) (интертекстуальная модель включает: заглавие-интертекст, эпиграф, текстовые ассоциаты, интертексты разного типа). Средний балл регулятивности текста составляет 4,02. На четвертой позиции по коэффициенту регулятивно-

сти находится поэтический текст «К немецкой речи» (1932), который включает сочетание заглавие-интертекста, эпиграфа, посвящения, текстовых ассоциатов и интертекстов разного вида. Стихотворение обладает самым низким коэффициентом регулятивности – 4.

Обратим внимание, что средний балл силы регулятивности предложенных для рассмотрения информантам пяти текстов О. Э. Мандельштама и соответственно имеющихся в них моделей интертекстуального типа в целом высок и колеблется незначительно: от 4 до 4,3.

С точки зрения группировки элементов претекстовой и текстовой информации в плане освоения информантами авторской интенции преобладают стихи с наиболее простыми в структурном отношении лексическими регулятивными моделями: 1) заглавие-интертекст, авторские ассоциаты и интертексты разного типа; 2) стихи, обладающие лексическими регулятивными структурами, которые сформированы без опоры на элементы претекста, на основании текстовых ассоциаций и интертекстов разных типов (сюжеты-интертексты). Как отмечалось ранее, указанные два типа моделей являются в лирике О. Э. Мандельштама наиболее частотными [11, с. 261].

С нашей точки зрения, стихотворения «Silentium» (1910) и «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915) по сравнению с остальными тремя текстами обладают наибольшей регулятивной силой не только по причине внешней простоты лексических регулятивных моделей, на основании которых они построены (имеют минимальный объем претекстовой информации), но и в силу известности, узнаваемости, растиражированности сюжетов интертекстуального характера, в них вербализованных. Так, в стихотворении «Silentium» (1910) представлен знаменитый сюжет древнегреческой мифологии о рождении богини любви и красоты из морской пены, а в тексте «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» (1915) описано чтение лирическим героем текста перед сном – фрагмента поэмы Гомера «Илиада» (конструкция сюжет в сюжете).

Таблица 1

Сила регулятивности поэтических текстов О. Э. Мандельштама по данным эксперимента

Название стихотворения	Сумма баллов в ответах 15 информантов	Средний балл силы регулятивности (коэффициент регулятивности)	Место стихотворения с учетом коэффициента регулятивности
«Здесь я стою – я не могу иначе»	64	4,2	2
«Из Фр. Петрарки»	61	4,02	3
«К немецкой речи»	60	4	4
«Silentium»	65	4,3	1
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса»	65	4,3	1

Последний сюжет актуализирует не только знание респондентами первоисточника, но и, вероятно, непростой личный опыт изучения поэмы Гомера «Илиада».

Учитывая количество подчеркнутых респондентами элементов при выполнении первого задания, например при анализе стихотворения «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» («Бессонница. Гомер. Тугие паруса», «море Черное», «Гомер», «список кораблей», «сей длинный выводок», «сей поезд журавлиный», «журавлиный клин», «ахейские мужи», «божественная пена», «Елена», «Эллада», «чужие рубежи», «цари»), а также системность выделения этих элементов основной массой информантов, можно говорить о влиянии на понимание произведения и его регулятивную силу насыщенности текста интертекстами. Представим взаимосвязь с регулятивной силой произведений фактора насыщенности текста разными видами интертекстов в табл. 2.

Полученные данные позволяют утверждать о том, что прослеживается следующая зависимость: чем выше насыщенность текста интертекстами, тем выше регулятивная сила текста. Исключение составляет стихотворение «Здесь я стою – я не могу иначе» (1913), которое по идее должно было бы занимать первую, а не вторую позицию в плане регулятивной силы текста в связи с наибольшей насыщенностью текста разными видами интертекстов. Впрочем, разница в регулятивной силе текстов, занимающих первую позицию («Silentium», «Бессонница. Гомер. Тугие паруса»), и стихотворения «Здесь я стою – я не могу иначе», занимающего вторую позицию, незначительна.

Таким образом, как показало исследование, в поэзии О. Э. Мандельштама используется пять лексических регулятивных моделей интертекстуального типа, что доказано экспериментально показаниями языкового сознания информантов. Обозначенные структуры в разной степени обладают

регулятивной силой воздействия на читателя, что связано с рядом лингвистических и экстралингвистических факторов.

Перечислим лингвистические факторы.

1. Вид интертекстов, входящих в регулятивные модели. Здесь можно отметить существенную роль интертекстуальных элементов претекстовой информации (заглавие, эпиграф, посвящение), первой поэтической строфы, прецедентных имен. Первая поэтическая строфа – это, как правило, цитата (атрибутированная/неатрибутированная). Иногда способом интертекстуализации в данном случае служит прецедентное имя. В целом прецедентные имена, с точки зрения информантов, являются существенными для понимания текстов, так как с ними связаны известные концепции, теории, сюжеты. Более важными, по мнению респондентов, являются сюжеты интертекстуального типа: чем известнее сюжет, тем выше регулятивная сила текста.

2. С первым фактором тесно связан второй – место расположения интертекстов в стихотворении. Информанты указывают такие сильные позиции текста, как претекстовое расположение элементов, первая поэтическая строфа.

3. Судя по ответам информантов, уровень понимания текста напрямую зависит от количества словных элементов, являющихся интертекстами либо входящих в интертекстуальные структуры: чем более насыщены интертекстуальными элементами тексты, тем выше их регулятивная сила.

4. В рамках целого текста наибольшую регулятивную силу имеют модели, обладающие минимальным количеством претекстовой информации либо ее отсутствием. Это не является парадоксом, так как непосредственно в самих текстах коэффициент насыщенности интертекстами высок.

К экстралингвистическим факторам, влияющим на регулятивную силу текстов, можно отнести: 1) уровень знаний информантов; 2) представления

Таблица 2

Соотношение регулятивной силы поэтических текстов с представленными в них интертекстуальными структурами

Название стихотворения О. Э. Мандельштама	Место стихотворения по коэффициенту регулятивности	Количество словных элементов, являющихся интертекстами или входящих в интертекстуальные структуры, %
«Здесь я стою – я не могу иначе»	2	57,6
«Из Фр. Петрарки»	3	31,3
«К немецкой речи»	4	22,7
«Silentium»	1	34,4
«Бессонница. Гомер. Тугие паруса»	1	37,1

респондентов о своей компетенции при оценке понимания стихотворений; 3) эмоциональный настрой во время проведения эксперимента.

В публицистической статье «О собеседнике» О. Э. Мандельштам писал: «Нет лирики без диалога» [13, т. 2, с. 149]. Учитывая множественность и

разнообразие реакций информантов на стихотворения в ходе эксперимента, количество задаваемых вопросов после него, высокую степень освоения авторской интенции информантами, диалог поэта с читателями средствами поэтического текста вновь состоялся и будет продолжаться.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. О трех направлениях коммуникативной стилистики художественного текста и изучении текстового слова // Коммуникативно-прагматические аспекты слова в художественном тексте. Томск, 2000. С. 4–8.
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
3. Болотнов А. В. Регулятивные лексические структуры как средство репрезентации концепта «хаос» в поэме М. Волошина «Путями Каи-на» (на материале частей «Магия», «Порох», «Пар», «Машина») // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. «История. Филология». 2008. Т. 7. Вып. 2. Филология. С. 22–26.
4. Бочкарёва Ю. Е. К вопросу о регулятивном потенциале лексических повторов разных типов (на материале лирики М. И. Цветаевой) // Текст и языковая личность: материалы V Всерос. науч. конф. с междунар. участием (26–27 октября 2007 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2007. С. 314–320.
5. Кабанина О. Л. Экспериментальное исследование эффекта обманутого ожидания как регулятивной доминанты в поэтическом тексте // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 6 (159). С. 133–137.
6. Карепина Л. С. Регулятивные стратегии воплощения образа адресата в лирике А. Ахматовой // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 255–259.
7. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2007. 280 с.
8. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. 228 с.
9. Петрова Н. В. Интертекстуальность как общий механизм текстообразования англо-американского короткого рассказа. Иркутск: ИГЛУ, 2004. 243 с.
10. Становкин П. А. Заглавия-интертексты в сборниках О. Э. Мандельштама «Камень», «Tristia», «Стихи 1921–1925 гг.», «Новые стихи (1930–1937)» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 6 (96). С. 73–77.
11. Становкин П. А. Регулятивные модели интертекстуального типа в лирике О. Э. Мандельштама // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 1 (116). С. 260–262.
12. Становкин П. А. Специфика некоторых сюжетов-интертекстов в лирике О. Э. Мандельштама (на материале сборников «Камень», «Tristia») // Русская речевая культура и текст: материалы VI Междунар. науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. С. 196–201.
13. Мандельштам О. Э. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Проза. М., 1990. 464 с.

Становкин Петр Александрович, директор, Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение «Лебяжинская основная общеобразовательная школа» (ул. Школьная, 7, п. Лебяжий, Кемеровская область, Россия, 652195). E-mail: stanoff@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.08.2017.

DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-79-84

PECULIARITIES OF READERS' PERCEPTION OF INTERTEXTS IN THE POEMS OF MANDELSTAM

P. A. Stanovkin

Lebyaginskaya State Secondary School, Lebyagy, Kemerovo Region, Russian Federation

Problems of dialogue, regulation of cognitive activity of the reader by means of the text are key to the theory of regulativity developed in Tomsk state pedagogical university, and the theory of intertextuality. The study is performed under the scientific directions. The indicated problem is connected with the highly complex philosophical and linguistic aspects of Mandelstam's poetry and creativity as its outstanding representative. The creativity of Mandelstam is highly intertextual. The author previously identified five types of lexical regulative models of the intertextual type in it, therefore in this study was conducted an experiment, aimed at identifying their regulatory power. According to indications of language consciousness of the informants, the regulatory power of these structures are influenced by the following linguistic factors: the type of intertexts - respondents noted the key role of pretextual information, of precedent names; the location of intertexts in strong positions (the elements of the pretext of the first poetic stanza);

the saturation of the intertextual elements of the poems – the more saturated intertextuality elements of the texts are, the higher their regulatory power. Within the whole text, the models with the minimal amount or the lack of pretextual information have the greatest regulative force, if the saturation coefficient of intertexts is high in the texts themselves. Extra-linguistic factors that affect the regulatory power of the texts include: the level of knowledge of informants; respondents' beliefs about their competence in assessing the understanding of the poems; emotional state during the experiment.

Key words: *regularity, intertextuality, intertext, regulative models of the intertextual type.*

References

1. Bolotnova N. S. O trekh napravleniyakh kommunikativnoy stilistiki khudozhestvennogo teksta i izuchenii tekstovogo slova [About three directions of communicative stylistics of the art text and studying of the text word]. *Kommunikativno-pragmatischekiye aspekty slova v khudozhestvennom tekste* [Communicative and pragmatical aspects of the word in the art text]. Tomsk, 2000. Pp. 4–8 (in Russian).
2. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: Dictionary thesaurus]. Tomsk, TSPU Publ., 2008. Pp. 384 (in Russian).
3. Bolotov A. V. Regulyativnye leksicheskiye struktury kak sredstvo reprezentatsii kontsepta "khaos" v poeme M. Voloshina "Putyami Kaina" (na materiale chastey "Magiya", "Porokh", "Par", "Mashina") [Regulatory lexical structures as means of representation of a concept "chaos" in M. Voloshin's poem "in the Ways of Cain" (on material of parts "Magic", "Gunpowder", "Steam", "Car")]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: "Istoriya. Filologiya" – Vestnik Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*, 2008, vol.7, no.2, pp. 22–26 (in Russian).
4. Bochkaryova Yu. E. K voprosu o regulyativnom potentsiale leksicheskikh povtorov raznykh tipov (na materiale liriki M. I. Tsvetaevoy) [To the question about the regulatory potential of lexical repetitions of different types (based on lyrics by M. Tsvetaeva)]. *Tekst i yazykovaya lichnost': materialy V Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (26–27 oktyabrya 2007 g.)* [The text and the language personality: the Materials of the V all-Russian scientific conference with international participation (26–27 October 2007)]. Under the editorship of professor N. S. Bolotnova. Tomsk, TsNTI Publ., 2007. Pp. 314–320 (in Russian).
5. Kabanina O. L. Eksperimental'noye issledovaniye efekta obmanutogo ozhidaniya kak regulyativnoy dominanty v poeticheskom tekste [Pilot study of effect of the deceived expectations as regulatory dominant in the poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2015, no. 6 (159), pp. 133–137 (in Russian).
6. Karepina L. S. Regulyativnye strategii voploshcheniya obraza adresata v lirike A. Akhmatovoy [Regulative strategies of the addressee image embodiment in the lyric poetry by A. Akhmatova]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 1, (116), pp. 255–259 (in Russian).
7. Fateeva N. A. *Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti* [The intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 280 p. (in Russian).
8. Kuz'mina N. A. *Intertekst: tema s variatsiyami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noy interpretatsii* [The intertext: theme and variations. The phenomena of culture and language in intertextual interpretation]. Omsk, Omsk state university Publ., 2009. 228 p. (in Russian).
9. Petrova N. V. *Intertekstual'nost' kak obshchiy mekhanizm tekstoobrazovaniya anglo-amerikanskogo korotkogo rasskaza* [Intertextuality as a General mechanism of text formation of the Anglo-American short story]. Irkutsk, IGLU Publ., 2004. 243 p. (in Russian).
10. Stanovkin P. A. Zaglaviya-interteksty v sbornikakh O. E. Mandel'shtama "Kamen", "Tristia", "Stikhi 1921–1925 gg.", "Novye stikhi (1930–1937)" [Title-intertexts in O. E. Mandelstam's collections "Stone", "Tristia", "Poems 1921–1925", "New poems" (1930–1937)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, no. 6 (96), pp. 73–77 (in Russian).
11. Stanovkin P. A. Regulyativnye modeli intertekstual'nogo tipa v lirike O. E. Mandel'shtama [Regulative models of the intertextual type in O. E. Mandelstam's lyrics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, no. 1 (116), pp. 260–262 (in Russian).
12. Stanovkin P. A. Spetsifika nekotorykh syuzhetov-intertekstov v lirike O. E. Mandel'shtama (na materiale sbornikov "Kamen", "Tristia") [Specifics of some plots-intertexts in O. E. Mandelstam's lyrics (on material of collections "Stone", "Tristia")]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (25–27 marta 2010 g.)* [Russian speech culture and the text: materials of the VI All-Russian scientific conference March 25–27, 2007]. Under the editorship of professor N. S. Bolotnova. Tomsk, TSNTI Publ., 2010, pp. 196–201 (in Russian).
13. Mandel'shtam O. E. *Sochineniya. V 2 t. T. 2. Proza* [Essays. In 2 volumes. Vol. 2. Prose]. Moscow, 1990. 464 p. (in Russian).

Stanovkin P. A., Lebyaginskaya State Secondary School (ul. Shkolnaya, 7, Lebyagy, Kemerо region, Russian Federation, 652195). E-mail: stanoff@mail.ru